

ШОРОСЛЬ

759. КР
РХ
129164

ЛД

ПОРОСЛЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Хр. Белозеров,
Иван Булатов,
Сергей Панкратов,
Анатолий Субботин.

ТОВАРИЩЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
1923.

Анатолий Субботин.

Каждым утром зори над деревней
Золотятся ало на соломе крыш,
Каждым утром на кургане древнем
Я бужу свирелью голубую тишь.

И встречаю первый солнечные очи,
Собираю горстью золото в росе,
И в туман кидаю—след ушедшей ночи—
Будто звезды-очи—в радостной весне.

На руке с серпом, среди ржаных полос,
В час когда пастух зазвенит в свирель,
Ты идешь и рвешь васильки в подол,—
Молодая грудь молока белей.

В кумачах, ала—во всю щеку мак,
Под платком—узлом свернут жгут волос,
А в очах пожар,—не зальешь никак,—
И целует рожь след ноги босой.

Ты родная мне. Я из тех же стран;
Как и ты я жил в синеве полей,
Как и ты с межи васильки срывал,
Слушал птичий гам и ловил стрижей.

Много сил в руках. Запылала грудь,
Захрустела рожь под серпом дрожа.
Где то тихий звон, где то песнь поют
Золотым снам, что стеной лежат.

Мы красные цветы, душистей нежных роз,
В стране чудес, как блески перламутра.—
Зеленым шелестом берез
Встречаем родостное утро.

Когда шурша меж тополей—
Провыра-ветер —впередгонки.
За речкой с нами соловей,
А в поле—песня жаворонка.

Настух берестяной трубой.
Еще нежней плетет узоры,
А солнце с каждою избой
Как с девкой сеет разговоры.

Ах, это солнышко! Наш гость.
На встречу радостному утру!
Мы красные цветы, душистей нежных роз,
В стране чудес, как блески перламутра.

Сегодня пахарь я, а завтра
Кудесник с белой бородой.
Пятиконечною звездой
Мои украшены палаты.

И под окном где вьется хмель
В кужлявый вихрь переплетаясь,
Звенит рассветная свирель
Со мной и солнышком встречаясь

И будто эхо в дальний путь
Несется песнь в золотые нивы,
И золотым сечет огнивом
Веселье радостных минут.

Сегодня пахарь я, а завтра
Кудесник с белой бородой,
Мои украшены палаты
Пятиконечною звездой.

Белеют камни церковок старинных,
На улицах зеленый сад.
Я знаю, буду вспоминать
Еще не раз тот город милый.

Столицу северных лесов,
Где память Грозного доселе
Жива в сказаниях отцов,
Как песнь о голубой Расее.

Где из туманности столетий
Легендно-розовый Насон
Мне снится в золотом рассвете...
Лесов набатный звон

И клич ушкуйников далеких,
Будя просторы старины,
Звучат и буйно, и широко
Из новгородской стороны.

Где в годы тяжких лихолетий
Царил все тот же буйный дух,
И ваши дни отметил Метой,
И в огнебитве не погук.

Все те же камни церковок старинных,
На улицах зеленый сад.
Чу Вновь ушкуйничий набат
На перелетах ветра синих.

Я люблю твои мгновенья,
Трепетанья вечеров,
Будто в тайном свиденьи
Шумы улиц и садов.

Я люблю, как в Голубое
Ты возаешь мачты труб.
И не песня-ль с алых губ
В этом хаосе и звоне?

Я люблю гудков призывных
Свежий утренний прибой;
Даже улиц, улиц пыльных
Камни с петрою толной.

Жизнь мгновений, жизнь момента,
Вечный кино, драм лубок,
Эгот топ железных ног—
Я люблю, как любят дети.

Полустанок в глухом лесу,
Белеют новые зданья.
Будто играя дальше несу
Рельс стальное сияние.

Будто играя, синюю даль
Режу насыпью шаг за шагом.
Мостик над каждым оврагом
Железо-бетон и сталь.

И над тайной, что думал бор
Вековыми стволами долго,
Размахнувшись скользит топор
Разрубая для рельс дорогу.

— Ах, зачем этих сумерок тень!
Я хочу ласки синего неба.
— Если хочешь—у солнца потребуй,
Что бы завтра был ясный день.

Что бы облак свинцовую мглу
Ово радугой смыло за горы,
И на крышах с соломой узоры
Растопило в свою глубину.

И тогда посидишь у окошка
Отдыхая вечерней порой.
Будешь тешиться ветра игрой
В тополях на просохшей дорожке.

Весенний шорох трав так чуток.
В долинах серебрясь росой
Повис пахучий и густой
Туман из синих незабудок.

И звонкой талью даль полна,
И трелью друга—жаворонка,
А в поле прелестью ребенка—
Открыла груди мать—земля.

И ждет меня. И с песнью в сердце
Я—пахарь—солнцев друг—спешу.
Сегодня грудь ее вспашу;—
Посею золото и—сердце.

Пушкой возрастут огнями ввысь—
В земной груди, как хмельной браге.
Я—пахарь—солнцев друг. Так чист
Лишь ручеек в глухом овраге.

Как и всегда в такую пору
Темны и скользки вечера;
Вчера с овина крикнул ворон
Привет прощальный журавлям.

В багрец одетые березы
Весь день ведут с дождями спор.
Ах! Скоро иньем да морозом
Пахнет от белоснежных гор.

Но мне ли с осенью поспорить,
Когда она под шум дождя
Гостей встречает у порога,
Как хлебосольная вдова.

Когда под дымным сном овина
Метают золото снопы,
И бабы пахнут чем то Синим,
И сладким медом от кутьи.

Иван Булатов.

Я сын полей.

Я сын полей и черепичных крыш,
Заветный друг нужды позорной.
Десятки лет стою на домостройной вышке
Часовым дозорным.

Передо мной поля, как солнечные пятна,
Леса, леса кругом и ни живой души.
Я стерегу ревниво сумрачные гряды
Родной страны.

Вверху игриво голубые ленты
Сплелись в причудливый букет небес—
То распустили крылья браво инсургенты,
То я воскрес!

Времен былых, и мрачных, и тоскливых
Воскресли в памяти непрожитые дни.
А впереди так много дерзко суетливых...
Но мы одни.

Одни под кровлею багрового заката
Вчера в боях с отточенным штыком —
Сегодня мирно брат для брата
Мир куем.

Поля взметаем тракторами воли,
И города в цветы сегодня убраны —
Трудом, трудом до поту и до боли
Своей страны.

Я сын полей и черепичных крыш,
Узнать не в сплах я сегодняшней дозор:
В сияньи лампочек горит родная вышка
И царствует мотор.

Моя Муза.

Я увидел ее в колосистых полях,
У соломенных крыш, среди темных лесов,
Не нарядна она—ходит просто в лаптях,
Не в хоромах живет, а в домах мужиков.

Летом с сивкой идет за сохой, бороной,
На лугах целый день спать себе не дает:
То идет в армяке незабвенной межой,
То от усталости всей богатырски заснет.

От тяжелых работ исхудала она,
На ланитах печаль и морщины на лбу.
От нужды и забот непомерно пьяна,
Вместе с нею и я часто, часто засну.

Я ее полюбил с ранней детской поры,
Вместе с нею грубил, вместе в поле играл.
Слушал с нею в лесу мужиков топоры,
В праздник песню труда от души напевал.

И любил горячо я кататься в реке,
Муза правила мне, я на веслах сидел...
И в волнах далеко на родном челноке
Вместе с нею я в дали немые глядел.

Наблюдал за игрою приветливых звезд,
Полный рвением лететь выше, выше в лазурь.
Но враждебно глядел мертвым оком мороз,
Устрашая собой, злобным выкриком бурь.

Муза с бурей сжилась, ей мороз ни о чем,
Много в жизни она претерпела невзгод.
И ходили мы с ней в битвы часто вдвоем,
Приближая великий семнадцатый год.

На лугах серебром мы узоры плели,
Бороздою в цепях воевали за мир,
И горели огнем наши славные дни,
И сзывали народ на воинственный пир.

Не нарядна она—вечно, вечно в лацтях,
Не в хоромах живет, а в домах мужиков.
Мне сказала она о грядущего днях,
И о славных победах Советских штыков.

Песня.

Я люблю старомодные сказки
И былины родимых полей,
Больше, больше, чем девичьи ласки
Деревенских простых дочерей.

В этих сказках—раздолье лихое
Наших дедов—прошедших времен,
Горе, горе—вино разливное,
Горем русским и ад превзойден.

И Урал, где вулканятся шахты,
И Сибирь с Ермаковым челом,
И морские тревожные вахты—
Море полное сказочным дном.

А лесные трущобы и тайги,
Север снежный скалою стоит
И в столетние жерла оврагов
Ледяными глазами глядит.

Много, много до боли правдивых
В наших грустных трущобах былин—
И в Крыму, где горят черносливы,
И в песках бесконечных долин.

В этих сказках народные плечи
Выносили столетий позор—
Через жаркие, грозные сечи,
Через русский мужицкий топор.

Живы в памяти Стенькины кличи,
Пугачевы бессмертьем зажглись,
Сотни, сотни былин о безличных
В память нашу губами впились.

В них поверье народное краше
Золоченых церковных дверей,
Домовые и лешие наши—
Властелины седых пустырей.

Из купеческих древних привычек,
Из боярских хором расписных—
Много сложено искренних кличек
И ругательных слов крепостных.

Нам былины поведают правду
Лучше всякой статьи записной
И поведают с грустной отрадой
Про народ наш великий родной.

Где неволя тревожила думы,
Где тюрьма с эшафотом сплелась—
Там впервые отчаянно дунул
Вольный ветер, заря занялась.

Занялась лучезарная гордо
Над проросшей неволей землей,
И, взмахнув над оковами молот,
Цепи сбросил народ трудовой.

Я люблю его древние сказки
И былины о прошлом люблю,
Больше, больше, чем девичьи ласки,
Им я душу свою отдаю.

Революция.

За окном пропел петух,
Старуха какая-то крикнула:
— Пожар, старик, или ты глух?
Что-то на улице стукнуло.

Жизнь маячила кукольно,
Боялась тревог старуха,
А тут Революция бухнула,
Докатилась до старого слуха.

— Война в нашей деревне,
Нежданно это, невиданно.
Слезы утерла передником,
И стало за себя ей стыдно.

А в это время крестьяне
Читали листовки о вольности.
И плакали горько дворяне—
Обидно им было больно...

Земля, власть и все такое...
Ведь и старуха этого не хотела.
И не стало больше покоя
На Руси лиходеям.

Война дворцам—мир хижинам—
Это ли не богоотступно?
Старое было принижено
Плеткой царя преступного.

И старуха не поняла нови,
Ей жалко тихой пристани.
Она боится красной крови,
Но и господ боится искони.

Петух пропел по другому,
Теперь и его не понять...
Эх ты, старая наша хуроба,
Эх ты, русская гнилая знать!

Петроград.

Мне не забыть его бетонных плит,
Его дворцов и кварталов рабочих.—
Мне в память врезался таинственный гранит,
И душу полонил невнятный говор ночи.

Мне было лишь всего пятнадцать лет,
А он стоял неумолимо сотни...
То громом внутренним, то сумраком согрет,
То плакал лик его у пленной подворотни.

Мне не забыть его машин и башен,
Его динам и царственных цепей.
Магнитный лик его всегда борьбой окрашен
И в радуге небес и в тучах страдных дней...

Но не склонял главы, как многие другие,
И грудь гранитную не прятал в полумгле,
Когда враги его коварные и злые
Точили нож ему и в злобе и в огне.

Всегда стальной, он знал один закон
И правду знал одну, что в нем самом таилась. —
Под знаком алых зорь всегда боролся он...
И правда та в пожар всесветный разразилась.

Мне не забыть его тревожных дум,
Которым не было в величии предела.
Я слушал с трепетом его великий шум
И мрачную грозу, что молнией влетела.

Забуть не в силах я его бетонных плит,
Его дворцов и кварталов рабочих —
Мне в память врезался таинственный гранит,
И душу полонил невнятный говор ночи...

Юбиляры

Ан. Субботину и Н. Елизарову.

Из одной неволи—клетки вековечной
Вышли мы орлами на поля и пашни...
Нас века до боли деспоты калечили...
Пламенели души в этих муках наши...

Душно было, мрачно. Но горели взоры
Юною отвагой—в этом наша слава,
И летели песни, словно метеоры,
Наши песни в груди—огненная лава.

Говорили смело, шпаги—наши перья,
Враг боялся смертно огненных атак...
И сегодня, братья, сердцем юбилея
Будет тот же старый единенья знак.

И сегодня клятву мы дадим свободе,
Что отточим перья до блестящих шпаг.
Наше слово будет символом в народе,
Наш призыв—железный избавленья шаг!

Сергей Панкратов.

К новым берегам.

Октябрьской поступью размеренно
Идем мы к новым берегам.
Мечтою юноши обвеянные —
Не склонимся к чужим ногам.

Туманы Лены ледянящие
Ушли в безоблачную синь.
Как солнце, в песнях восходящее, —
Смеемся в выгибах осин.

За кровь мы кровью искупленные,
Стоим у красного руля.
Серпом и молотом крапленные,
Нам вторят песнями поля.

И вызов гордый, вызывающий
Несем врагам из года в год,
Где стонет в муках, изнывающий, —
Порабощаемый народ.

И эхом красным, перекатным
В года дерзаний и борьбы—
Ответят сомкнутые рати
Нам зарубежной голытьбы.

На голубых проталинах.

Легля заря в межи дорожные
За синью выточенных гор.
И песни пламенно-тревожные
Встревожили зеленый бор.

За перелесками хрустальными,
Где смех и песен перепев,
На вешних, голубых проталинах
Растаяла улыбка дев.

Взвилась—и эхо семиструнное
Звонит ложбинами в полях.
И в вечно дымчатую урну
Скатился распыленный прах.

Но и на ломаных ресницах
Я вижу новь сплетенных чар,
В глазах сияние светлицы—
Непечатый блаженства дар.

Перепутье.

Мы выпьем песней перепутье.
Мятежный дух мятежных лет.
И уходящее распутье
Дымящийся оставит след.

И в этом выследе туманном
Застынет смех венчальных бурь.
И былей памятные раны
Былого увенчают хмурь.

Могильным призраком отравленный,
Уйдет в бессилии закат.
И в солнце новое оправленный,
Занскрится в огне плакат.

И буквы огненнее вспыхнут
Над пробужденною землей.
Цепями скованные вихри
Раскованный не свяжут рои.

Другу ветру.

Отлетел на листьях пожелтелых
Мой наряд глазастых, синих дней.
И межой за дамбой полусерой
Взгляд скользнул угрюмей и бледней.

Пробежал в открытые ворота
К другу дней на зов плакучих туч.
Но дождем бывшее смыто, стерто—
Утекло ручьем с кряжистых круч.

И больней я жался грудью к ветру.
Ветер, ветер, друг или не друг,
Нагони мне дней зеленых, светлых—
Разбуди певучий, длинный луг.

Разбуди—и жаворонком звонко
Прозвенит набор нарядных дней.
Я приду, приду и втихомолку
Вновь склонюсь покорный перед ней.

Вновь склонюсь, склонюсь—и лепестками
Вышью даль знакомых, милых лет.
Нагони, верни—и заласкаю,
Застрочу струной твой серый плед.

Л е н и н.

Ты пришел неведомый, туманам
Из далеких, дымчатых полей
И заря с зарей сплелась над ранами
Уходящих, сумеречных дней.

И летит, как ветер, твое имя
Вдоль полей и дымных городов.
И грозой и бурями хранимый,
Ты не пал под тяжестью оков.

Ты один, один,—незаменимый
Наш боец и друг и капитан.
И везде, повсюду слышим имя,
Врачующее нас от ран...

И века на гранях пятигранных
Не сотрут граненый юный клич:
Никогда не будет тебе равных
Наш боец и славный вождь—Ильич.

Н. Н. Зарудину.

Голубым строченым бантом
Ты связал свои страданья
Пусть смелей звенят куранты—
Путь размеренный и дальний.

Как с весенним половодьем
Все бывшее пробежало.
Отпуская смелей поводья,
Впереди узорят дали.

Вдоль оврагов, за ложбины
Направляй стальные крылья
Выше, выше—по долинам
Заклуби ржаную пылью.

Где звенит ручьями радость,
Где фонтаном брызжут звезды,
Где ни разу не смеркалось,
Где туман не вяжет гнезда.

Крепче в полог колыбельный
Застрочи лазурью строчки.
И с подругой—другом верным—
Не пройдешь бесследной точкой.

Дни придут—на водопое
Будут пить твои желанья.
И в широком, синем поле—
Будешь с ними, будешь равный...

Хр. Белозеров.

Человек.

Звезды, вам пою я радостные песни—
Вам, огни вселенной—вечные огни!
Скоро станет в мире жить, трудиться тесно—
Я пошлю в межзвездие чудо-корабли.

Я, как вы, бессмертен: через смерть крожденью
От рожденья к смерти все вперед иду.
Мне ли предаваться мрачному сомненью,
Мне ли спотыкаться о гробов гряди?!

Путь свой по планете—не пройду бесследно:
Труд—векам даянье, как столетьям год;
Сыну дам я тело—в внуке вновь воскресну,
В мир вернусь сильнее, чем улягусь в гроб!

Раб в веках ушедших—грозным властелином
И миров владыкой буду впереди.
Ждите, ждите, звезды, с клетком орлиным
К вам помчатся-внуков чудо корабли.

Ни солнца, ни луны...
Глух стон в саду ветвей...
Ревет корова „мы-ы...“
Пугая хмарь полей.

Ползут тоскливо дни,
Скрипит часов костыль...
Эй, солнце, отвори
Дверь в собственную быль!

Ведь в жвачке тусклых дней
И в слюне облаков,
Я думаю о ней,
Смеяться, петь готов.

Я—сын родных своих полей,
Бросаю зерна в взметы нови.
Из плена бешеных зверей
Ушел дорогой слез и крови...

Я вновь вдохнул призыв весны
И дум, рожденных в перелеске,
Но жизни—стонущей волны,
Мне близки горестные всплески.

За валом вал в ржаных морях
Под лаской солнечных об'ятий,
Благословит посев в полях,
Забудет мир слова проклятий.

А если нет?—Пусть грянет бой,
Вновь оросится поле кровью.
И мир столкнувшийся с судьбой
Весь содрогнется жгучей болью...

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	Стр.
А. Субботин:	
Каждым утром	5
На руке с серпом	6
Мы красные цветы	7
Сегодня пахарь я	8
Белеют камни	9
Я люблю	11
Полустанок	12
Ах, зачем...	13
Весенний шорох	14
В такую пору	15
Иван Булатов:	
Я сын полей	19—20
Моя муза	21—22
Песня	23—25
Революция	26—27
Петроград	28—29
Юбиляры	30
Сергей Паннратов:	
К новым берегам	33—34
На голубых проталинах	35
Каралловые рифы	36
Перепутье	37
Другу ветру	38—39
Ленин	40
Н. Н. Зарудину	41—42
Хр. Белозеров:	
Человек	45
Ни солнца, ни луны	46
Бросаю зерна	47
